
— Когда ты крал чужую жизнь у младшего брата, думал ли ты о неминуемой расплате?

— Не будь ты всё ещё полезен, твоя жалкая шкура давно бы гнила в земле!

Цинь Шо резко проснулся, тяжело дыша. Спина была мокрой от холодного пота. В окно лился яркий утренний свет, доносился ленивый щебет птиц, а где-то во дворе внешние ученики мерно шуршали метлами, сметая палую листву. После кошмара эта умиротворяющая картина казалась благословением.

Он попытался приподняться на постели, но из горла вырвался тихий стон. Каждая мышца ныла так, словно его переехал тяжелый обоз. Это состояние тянулось уже больше десяти дней. Видимо, последствия тяжелого ранения, из-за которого он лишился памяти, — ничего страшного, со временем пройдет.

Стоило ему потянуться к костылю у изголовья, чтобы подняться и налить воды, как дверь со скрипом отворилась. Словно почуяв его намерение, в комнату ласточкой влетел младший брат. Его мягкий, ласковый голос зазвучал с порога:

— Старший брат Цинь, ну я же просил! Вы ещё слишком слабы, вам нельзя вставать.

Бай Юй нёс в руках поднос с дымящимся целебным отваром. Одевания цвета весенней зелени — знак принадлежности к внутренним ученикам ордена — выгодно подчеркивали его свежий вид и утонченные манеры. Стоило ему подойти ближе, как Цинь Шо невольно засмотрелся: лицо юноши, чистое и нежное, как лепесток лотоса, озарилось тёплой улыбкой.

Придя в себя, Цинь Шо почувствовал укол совести. Каким же негодяем нужно быть в прошлом, чтобы изводить и притеснять человека, который искренне к тебе привязан?

Если верить навещавшим его ученикам, до беспамятства Цинь Шо обращался с младшим братом Баем из рук вон плохо. Мелкие придирки были лишь вершиной айсберга; пользуясь правами старшего ученика, он постоянно строил ему козни и унижал. За четыре года знакомства он три года заставлял несчастного юношу тайно прислуживать себе на правах покорного пса. Любой другой на месте Бай Юя давно бы возненавидел мучителя, а этот удивительный юноша заботился о нём после ранения.

Поистине редкое великодушие.

Не помня ничего из прошлой жизни, Цинь Шо не мог судить, каким человеком Бай Юй был раньше. Но видя, как тот платит добром за зло, он сгорал от стыда. Не в силах вынести этот

кроткий взгляд, Цинь Шо отвёл глаза и натянуто улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку:

— Стоит мне подумать о подъёме, как ты тут как тут. Ума не приложу: то ли у нас и правда души в унисон поют, то ли ты за мной шпионишь?

Бай Юй тихо рассмеялся. Поставив пиалу с отваром на столик, он привычным, заботливым движением поправил одеяло. Когда он склонился ниже, его голос прозвучал чисто и нежно, подобно хрустальному перезвону ветра под крышей пагоды. Но Цинь Шо в этом шёпоте почудился странный подтекст:

— А если я и впрямь оставил на тебе метку, старший брат?

В груди у Цинь Шо неприятно закололо, словно по сердцу побежали тысячи мелких мурашек, а вдоль позвоночника скользнул холодок. Встретившись взглядом с сощуренными полумесяцами ласковых глаз, он поспешил отмахнуться от наваждения, списав всё на шутку:

— Полно тебе глупости говорить, младший брат. С чего бы тебе...

— Хм? Откуда этот аромат?

Тень Бай Юя скользнула вперёд, заслоня дневной свет, и прервала Цинь Шо на полуслове. Юноша повёл носом, уловив едва заметный запах. Он придвинулся почти вплотную к шее старшего брата, обдав его кожу горячим дыханием, а затем запустил руку под одеяло.

Пока Цинь Шо лежал, замерев от неловкости и не смея шелохнуться, его кроткий шиди уверенным движением достал из-под подушки шёлковый мешочек для благовоний. Положив его на ладонь, Бай Юй принялся задумчиво разглядывать вышивку. Наконец он поднял взгляд, и его голос прозвучал вкрадчиво:

— Старший брат, это саше с медовыми цветами?

Цинь Шо растерялся, но быстро вспомнил:

— Ах, это... Ваньчэнь принёс. Сказал, помогает уснуть и успокаивает разум, вот я и оставил его у себя.

— Ваньчэнь... — Бай Юй опустил голову, пряча слабую усмешку. — Надо же, старший брат. Вы лишились памяти, но по-прежнему зовёте его так ласково. Поневоле позавидуешь.

Цинь Шо не нашёлся что ответить. С тех пор как он пришёл в себя, его круг общения ограничивался парой-тройкой человек. Чаще всего заглядывал заботливый Бай Юй; слуга Сяо Дин, приставленный наставником, помогал по хозяйству, да изредка навещал его наречённый

супруг — Бессмертный Меч Чанцзюэ, Сун Ваньчэнь.

Прошлые годы скрывались в тумане, и лишь благодаря болтливости Сяо Дина, жившего в соседней пристройке, Цинь Шо мало-помалу узнавал подробности своей прежней жизни. О единственном визите Сун Ваньчэня у него остались смутные воспоминания. Тот действительно обладал неземной красотой небожителя, но держался просто, без тени высокомерия. Безупречно вежливый, благородный муж — он лишь оставил целебный подарок и сразу ушёл, не желая утомлять больного.

Никакой особой нежности в обращении не крылось — имя слетело с губ само собой, без задней мысли.

По словам Сяо Дина, Сун Ваньчэнь поспешил уйти из-за неотложных дел. Остальные собратья по ордену, изредка заглядывавшие в комнату раненого, тоже не задерживались: все силы уходили на подготовку к Великому собранию бессмертных, которое должно было начаться через месяц.

Цинь Шо не обижался на одиночество. Напротив, едва осознав себя, он счёл свою судьбу на редкость щедрой. Собратья в один голос уверяли, что до травмы он занимал почётное место старшего ученика ордена — пускай и славился дурным нравом. Природа не обделила его красотой: пусть он и уступал признанному красавцу Сун Ваньчэню, в его чертах сквозило благородство и мужественное обаяние. Да и талантом боги его наградили щедро: мало кому удавалось достичь стадии Зарождающейся Души за какую-то сотню-другую лет, а он сумел стать одним из этих редких гениев.

Странно было лишь одно: стоило завести разговор о духовном самосовершенствовании, как Сяо Дин тут же тушевался и уклонялся от ответа. Слуга лишь сбивчиво лепетал, что после ранения духовные силы господина истощились и бывшая мощь канула в небытие. Впрочем, парень нет-нет да намекал, что до беды Цинь Шо твёрдо намеревался выступить на Великом собрании.

При мысли об этом Великом собрании бессмертных виски Цинь Шо пронзила острая вспышка боли. Ему показалось, что сознание вот-вот прояснится, но зыбкие осколки воспоминаний растаяли так же быстро, как утренний туман.

— Великое собрание... — тихо пробормотал он.

Словно силясь ухватиться за ускользающую мысль, он поднял глаза на шиди:

— Третьего дня младший брат Фэн обмолвился, что мне нужно поскорее встать на ноги к началу Великого собрания бессмертных. От меня действительно ждут участия?

Ласковая улыбка мгновенно сползла с лица Бай Юя. Он помрачнел и вкрадчиво, почти шёпотом спросил:

— С чего вдруг такие расспросы, старший брат? Неужто память возвращается?

— Да нет... Просто все вокруг твердят об одном и том же, будто подталкивают меня к чему-то,

— Цинь Шо поджал губы. На душе скребли кошки. Его уверяли, что раньше собратья души в нём не чаяли, буквально носили на руках. И действительно, за полмесяца его успели навестить не меньше десятков человек.

Каждый из внутренних учеников сиял дружелюбием, но за этими натянутыми масками Цинь Шо то и дело ловил чужие, холодные взгляды. В них сквозила затаённая неприязнь, будто перед ними лежал не старший брат, а заклятый враг ордена. Это было снисходительное презрение сильных к поверженному слабаку. Собеседники поспешно прятали глаза, стоило их поймать на горячем, но Цинь Шо успевал заметить эту фальшь.

— Они тебя боготворят, как можно заподозрить их в подобном пренебрежении?

Бай Юй выслушал его и медленно поднялся. Его взгляд на мгновение скользнул к окну, за которым промелькнула смутная тень, вспугнув стайку птиц на карнизе. Тяжело вздохнув, он обернулся и вновь озарил комнату кроткой улыбкой:

— Не тревожься, старший брат. Я поговорю с учениками, чтобы они более не смели смущать твой покой глупыми речами.

К тому времени целебный отвар на столе остыл до приятного тепла. Бай Юй бережно подал пиалу больному и направился к выходу. У самых дверей он замер и мягко добавил:

— Если кто-то из братьев сболтнёт лишнего — не принимай близко к сердцу. Сразу зови меня, я со всем разберусь.

Цинь Шо лишь неопределённо кивнул. Растерянный из-за беспамятства, он счёл заботу шиди искренней и не стал расспрашивать дальше. Когда шаги за дверью окончательно затихли, он со вздохом отставил нетронутое лекарство, нащупал деревянный костыль и осторожно спустил ноги на холодный пол. Любопытство пересилило боль: безумно хотелось взглянуть, что творится за пределами его добровольного заточения.

Ему хотелось понять, жил ли он здесь прежде или его просто заперли в глухом углу. Но стоило приблизиться к порогу, как до слуха долетел приглушённый шёпот. Говорили где-то в отдалении, слов было не разобрать.

Прижавшись ухом к прохладному дереву створки, Цинь Шо затаил дыхание. Судя по голосам, это Бай Юй отчитывал Сяо Дина. Он уже почти уловил суть их разговора, как вдруг за спиной, со стороны распахнутого окна, раздался залихватский, насмешливый свист.

Вздрогнув, Цинь Шо резко обернулся. На подоконнике, небрежно развалившись, сидел

незнакомый юноша в роскошных шёлковых одеждах. Его огненно-рыжие волосы были стянуты в высокий хвост, а на губах играла ленивая ухмылка. Нарушитель покоя смерил раненого оценивающим взглядом и протянул:

— Ну что, заклинатель Цинь, всё ещё помнишь меня?

<http://bllate.org/book/20094/1998474>